

7. Манаков М.Ю. Цикл произведений о докторе Павлыше в контексте творчества Кира Булычёва // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. Челябинск, 2017. № 2. С. 73-79.
8. Михайлов А. Фантастическое как Иное культуры // Нестеров А.Ю., Кузнецова Е.Р. (ред.). Фантастика и технологии (памяти Станислава Лема). Самара, 2009.
9. Нестеров А.Ю. Фантастическое как логический парадокс // Нестеров А.Ю., Кузнецова Е.Р. (ред.). Фантастика и технологии (памяти Станислава Лема). Самара, 2009.
10. Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход. М., 2002.
11. Саморукова И.В. Конструирование фантастического в литературе // Нестеров А.Ю., Кузнецова Е.Р. (ред.). Фантастика и технологии (памяти Станислава Лема). Самара, 2009.
12. Стругацкий А., Стругацкий Б. Фантастика – литература // Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений в 10 т. Второй дополнительный том. М., 1993.
13. Тодоров Цв. Введение в фантастическую литературу. М., 1997.

«ШТАБС-КАПИТАН ФОРТУНАТОВ»: ПОСЛЕДНИЙ ТУР НА ПУТИ К СИНТЕЗУ*

*Перепёлкин М. А.
г. Самара, Россия*

В центре внимания автора статьи находится социально-фантастический роман Б.К. Фортунатова «Остров гориллоидов», увидевший свет в конце 1920-х гг. Анализ романа, а также сопоставление его с научными публикациями Б.К. Фортунатова, убеждают в том, что итогом биографических и эстетических поисков романиста становится отход от идеи химического синтеза белка к пониманию любви как высшей ценности и сохранению жизни как самой значимой задачи, стоящей перед человеком.

Ключевые слова: Б.К. Фортунатов, «Остров гориллоидов», социально-фантастический роман, научная фантастика, система героев, хронотоп, синтез белка, заповедник Аскания-Нова, А.Н. Толстой, «Хождение по мукам», прототип.

«Отказавшись от чаю, в забытьи, Говядин шептал: Во главе правительства стоят патриоты, – честнейшие люди, благороднейшие личности... Вольский, вы его знаете, – присяжный поверенный из Твери,

---

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 18-412-630003.

прекраснейший человек... Штабс-капитан Фортунатов... Климушкин – это наш, самарский, тоже благороднейший человек... Все эсеры, непримиримейшие борцы...» [7, с. 450] (А.Н. Толстой, «Восемнадцатый год»).

В середине-конце 1920-х гг., когда А.Н. Толстой работал над второй частью трилогии «Хождение по мукам», исторические события недавнего прошлого разметали «непримиримейших борцов», в 1918 году возглавлявших правительство Российской республики с центром в Самаре – Комуч, по белу свету: «благороднейший человек» Климушкин жил в Праге, Вольский был арестован чекистами, а вот «штабс-капитан Фортунатов» заведовал зоопарком в заповеднике Аскания-Нова и писал научно-фантастический роман «Остров гориллоидов», который будет опубликован в 1929 году в журнале «Всемирный следопыт». Штабс-капитаном Б.К. Фортунатов, правда, никогда не был, дослужившись только до корнета (к этому званию он был представлен В.О. Каппелем), а вот о том, кем он был и какие головокружительные повороты приготовила ему его судьба, первым рассказал в статье [2], увидевшей свет в 2006 году, историк Я.В. Леонтьев, вслед за которым к фигуре «фартового корнета» обращались и другие авторы [3], благодаря чему биография Фортунатова изучена на сегодняшний день настолько, насколько это вообще можно представить в случае с человеком, далеко не всегда и не во всём лояльным к Советской власти и в конечном счёте скончавшимся в Карлаге – то ли в статусе заключённого, то ли – уже вольнопоселенца.

В настоящей статье мы обратимся к упомянутому роману Б.К. Фортунатова «Остров гориллоидов», единственному крупному произведению писателя¹, кроме этого романа выпустившего также две иллюстрированные книжки для детей – «Последний тур» [14] и «Как жуки в футбол играют» [10].

---

¹ Первая публикация: [12]. О популярности этого романа среди читателей 1920-х гг. и даже их потомков поведал нам на конференции «Лемовские чтения», состоявшейся в марте 2018 года в Самарском университете, один из её участников – Н.М. Твердынин, рассказавший, что его мама читала этот роман в журнале, который долго хранился в доме и в своё время попал уже к нему в руки. По его словам, роман очень нравился подросткам, которые с удовольствием читали его и перерисовывали иллюстрирующие роман карты секретной Ниамбы. Впоследствии, – признался наш собеседник, – он забыл фамилию автора, но хорошо помнил слово «гориллоиды», благодаря которому многие годы спустя, с появлением сети Интернет, нашёл роман и перечитал его. Приводим здесь это воспоминание, поскольку оно, по нашему мнению, является ярким свидетельством таланта Фортунатова-романиста.

Фабула романа довольно проста: живущий в Советском Союзе молодой учёный Ильин получает письмо от своего наставника, биолога Идаева, уже давно работающего в одной из африканских французских колоний, с приглашением-просьбой выехать за границу и помочь ему в его работе. Прибыв на место, Ильин не сразу, но узнаёт, что на скрытом от посторонних глаз острове ведутся эксперименты по скрещиванию человекообразных обезьян с людьми, а из появившихся в результате этих экспериментов на свет гориллоидов формируется сильная и хорошо обученная армия, которую планируется использовать в борьбе против рабочего движения и мировой революции. С помощью работающего на острове французского коммуниста Ильин провоцирует гориллоидов на бунт, в котором гибнут все, кроме него самого, его помощника и жены фашиста Ленуара, успевшей к этому времени возненавидеть мужа и полюбить Ильина. Бежав с охваченного бунтом острова, трое спасшихся перелетают на самолёте в Европу, а потом – в Советский Союз.

Роман написан прекрасным языком, который превосходно читается и через девяносто лет после его выхода в свет. Сюжет отличается интенсивностью развития и держит в напряжении читателя практически «от корки до корки». Фантастический элемент совсем не кажется притянутым за уши, слишком искусственным, а напротив, всячески «заземляется»: биологически (подробно и почти научно объясняется возможность происхождения гибридов человека и обезьяны), социально-политически (кому выгодны «эксперименты», с какой целью они ставятся и т.д.) и даже – географически (текст сопровождается картами местности, где происходят события).

Что касается нашего интереса к роману, то он связан с тем, что «Остров гориллоидов» представляет собой фактически единственное «внутреннее» свидетельство умонастроений ещё недавнего яростного противника большевизма, а ныне, десять лет спустя, нашедшего своё место в советской системе «штабс-капитана Фортунатова». Как ему удалось это сделать и удалось ли? Был ли «Остров гориллоидов» попыткой каппелевского корнета публично присягнуть на верность новому государю или – пылью в глаза, стремлением обвести вокруг пальца всех государей сразу? Наконец, как могли уживаться в одном человеке – авторе романа – столь разные личности: сын статского советника и участник террористической группы, студент Московского университета и организатор забастовки среди железнодорожных рабочих, учёный-химик и нижний чин в армии, член Петроградского комитета партии эсеров и депутат Совета солдатских и крестьянских депутатов в Самаре, член военного штаба от Самарского

правительства, закладывавший фугасы под полотно железной дороги близ моста через Самарку, и человек, добившийся того, чтобы его оставили охранять заповедник Аскания-Нова, каппелевский, а затем колчаковский, солдат и командир и лихой будёновец, комполка, сражавшийся под красным знаменем? Противоречия можно множить, и конца этим столкновениям крайностей – не видно. В заключение этого списка приведём ещё две характеристики, на которые ссылается в своей статье и Я.В. Леонтьев. Первая принадлежит самарской артистке З.М. Славяновой, отмечавшей, что «Фортунатов очень увлекается химией, любит природу, пение, может часами рассказывать о многоцветной радуге и переливах на раковинах, найденных им под Москвой» [4, с. 123]. Вторая характеристика – полковника Вырыпаева, вспоминая, как «энергичный и совершенно бесстрашный» человек, Фортунатов, «спокойно» распорядился расстрелять четырёх захваченных в плен красноармейцев, а на вопрос, почему он это сделал, несмотря на приказ не расстреливать пленных, «равнодушно ответил: “Но ведь был бой!”» [2].

Наверное, на все эти вопросы роман не ответит, но поскольку Б.К. Фортунатов не вёл дневников и не оставил воспоминаний, либо – они не дошли до нас, а роман, хоть бы и научно-фантастический, – это развёрнутое высказывание, пусть не в прямой, а в иносказательной, художественно-обобщённой, форме представляющее, в том числе, и внутренний мир его автора. К тому же, как нам представляется, в данном случае научно-фантастический элемент не только не препятствовал разговору об этом «внутреннем», но, напротив, ему способствовал, поскольку предоставлял автору-фантасту некоторую долю свободы, которой были лишены авторы нефантастических произведений.

Прежде всего, обратимся к героям романа, из которых нас будут интересовать трое – Ильин, Ахматов и Идаев.

Ильин – главный герой романа, точка зрения и оценка действительности которого, хотя бы формально, максимально близки авторским. Он «родился и почти всю жизнь провёл в Москве и был влюблён в громадный, бурно развивающийся город» [13]²; «войны не пережил; она была для него лишь прошедшим где-то близко историческим событием», никогда не бывал в бою. Внешность Ильина характеризуется следующим образом: у него широкие плечи и спортивная фигура, которой он обязан занятиям спортом и, в частности, – игре в футбол («один из лучших спортсменов Москвы», «был форвардом в хорошей футбольной команде»);

---

² Далее все цитаты из текста приводятся по этому изданию, без указания страниц.

глядя на его фигуру, Лемуар восторженно заметит: «...мир создан для настоящих, хорошо устроенных людей, и их не так много. И когда они попадают на пути, их очень приятно видеть». Вместе с тем, широкие плечи не помешали Ильину, по замечанию того же Лемуара, иметь слабые нервы; кроме этого, о характере Ильина говорится, что он – человек довольно впечатлительный. Ильин «горячо» увлекался своей наукой («футболом ещё больше»), «газеты перечитывал весьма бегло, советской власти искренне сочувствовал и политикой, как ему казалось, совершенно не интересовался», предпочитая и в обществе «распространяться об университетских делах и спорте, об остальном упоминая вскользь, как о делах для него совершенно не интересных». Впервые близко соприкоснувшись с иностранцами, Ильин понял, что «его запыхлённые ботинки, весьма посредственно сшитый пиджак и мягкий воротник рубашки мало гармонировали с костюмами остальных». Это – всё, что лежит на поверхности, а есть и то, что на ней не лежит.

Например, на каком языке разговаривает Ильин с иностранцами? В одном из эпизодов африканец говорит с ним «на ломаном французском». Сам же Ильин совершенно свободно говорит со всеми так, как будто ни о каком языковом барьере даже нет речи, что можно объяснить только одним: владение французским рассматривалось автором романа как нечто само собой разумеющееся, поэтому он даже не заостряет на нём внимание.

Но владение французским – далеко не всё, что можно прочесть об Ильине между строк. Приехавший из Москвы молодой учёный-биолог, по существу не видевший мира и мало что способный знать о нём сверх того, что сообщают советские газеты, прекрасно осведомлён о прошлом и настоящем Европы, знаком с научными новинками, в курсе политических новостей, ничуть не зажат и коммуникабелен, что выглядит несколько странно для человека, который «всю жизнь провёл в Москве». Более того, Ильин – светский человек, как бы ни пытался скрывать это он сам, а вместе с ним – автор: он прекрасно знает правила поведения в обществе, этикет, знаком с культурой салона и воспринимает её не как экзотику, а как нечто само собой разумеющееся. Далее: интересующийся почти исключительно футболом, герой тонко чувствует музыку (вопреки авторской оговорке, что «в музыке он ничего не смыслил, и слишком сложные узоры звуков <казались ему> просто шумом»), различает малейшие нюансы настроений окружающих, способен отрефлексировать и вербализовать такие тонкие оттенки настроений, изменений в природе и т.п., пройти мимо которых было бы простительно не только футболисту, но и учёному-негуманитарии.

Наконец, обратим внимание на такое свойство характера Ильина, на котором автор хоть и не заостряет читательского внимания, но, тем не менее,

рисует его достаточно ярко, это свойство – способность к глубокому сочувствию и такому же глубокому безразличию и даже – жестокости.

Став свидетелем гибели гориллоида, Ильин «почувствовал, что кровь бросилась ему в лицо, и голос его зазвенел возмущением: Я не понимаю, – резко сказал он, – как вы можете так говорить через несколько секунд после смерти только что изгибавшегося перед вами в агонии человека! Если бы я был причиной этого, то...».

Но вот ещё несколько эпизодов, в которых Ильин, в самом деле, становится прямой или косвенной причиной гибели, и таким образом «если бы» превращается просто в «если».

Покидая место своего заключения, Ильин увлекает с собой своего наставника – профессора Идаева, но по пути тот погибает от выстрела гориллоида. А вот реакция Ильина на эту гибель: «Тёплая жидкость брызнула Ильину в левую щеку. Тело профессора, которого он тащил за руку, вдруг осело, и, оглянувшись, Ильин увидел при свете звёзд чёрную бесформенную маску вместо лица Идаева». На этом всё: «брызнула – увидел», и – ни страдания, ни чувства вины, ни сожаления – ничего.

А вот ещё один эпизод, в котором Ильин – уже не косвенная, а прямая причина гибели человека. «Прикладом вверх взлетела вырванная из рук винтовка и с глухим стуком обрушилась на череп часового. Солдат охнул и мешком свалился на землю, а Ильин, не заперевав калитки, уже летел по направлению к стоявшему слева под группой пальм дому капитана». Глухой стук винтовки, обрушившейся на череп, мешком свалившийся солдат – и всё, больше никакой рефлексии и чего бы то ни было ещё.

А это – планируемая, но не осуществившаяся расправа: «...надо сначала влезть внутрь, и если эта гадина окажется там, Ильин свалит его на пол и ногою прижмёт горло к земле».

И ещё: «...лейтенант снова рассмеялся. Ильин никогда впоследствии не мог сообразить, как это случилось, что, взяв на прицел монокуляр, он нажал гашетку парабеллума. Стоявшие в дверях с ужасом шарахнулись в стороны, и, перешагнув через упавшее поперёк коридора тело лейтенанта, Ильин с размаху ударил дулом револьвера в рыжий затылок оказавшегося перед ним начальника местной полиции и одним прыжком выскочил наружу». И вновь – кровь не бросилась в лицо совершившего двойное убийство, либо – убийство и попытку такового, героя, и его голос не зазвенел возмущением.

Как объяснить такое сочетание несочетаемого в одном человеке? Разве что так, как объяснил его сам «любящий природу и пение» и способный «часами рассказывать о многоцветной радуге и переливах на раковинах» Б.К. Фортунатов полковнику Вырыпаеву: «Но ведь был бой!». «Бой» – и

значит совсем другая реальность, не соприкасающаяся с реальностью «многоцветной радуги». Кстати, следует также заметить, что для человека, никогда не бывавшего в бою, Ильин более чем превосходно ориентируется в боевой обстановке: безошибочно оценивает опасность, прячет следы, маскируется (зарываясь даже, если нужно, в песок), грамотно атакует и т.д., что весьма неожиданно для человека, мимо которого война прошла стороной.

Другой герой романа – Ахматов – идеологический противник Ильина, и, пожалуй, именно с этой точки зрения он и необходим роману, сюжет которого в нём совершенно не нуждается.

Ахматов родился в помещичьей семье в Тульской губернии, учился за границей, где окончил университет и пережил годы революции; «газет он, по его словам, не читал, но убеждения имел кристально твёрдые: революцию <...> надо было в корне задавить; четвертую часть рабочих (меньшим не обойдётся) перестрелять и прочно обеспечить существование и развитие науки и культуры».

Ахматов – эмигрант (по определению Ильина, «гнилая щепка», которая – в числе других – «полетела через границу в самые отдалённые угла земного шара»). По специальности он – биолог-экспериментатор; работая в лаборатории Кроза, занимается, в частности, изготовлением гигантских лягушек «в четыре-пять кило весом», с которыми «носится <...> как с писаной торбой».

Говорит Ахматов не спеша и «каждое слово произносит с необыкновенной отчётливостью»; одет – изысканно («довольно замысловатый костюм и высокий воротничок»); равнодушен к спиртным напиткам.

Характеризуя внутренний мир Ахматова, автор романа показывает его библиотеку – «своеобразную по подбору» («Одна стена рабочего кабинета была занята литературой по железам внутренней секреции (в этой области Ахматов, несмотря на его молодость, являлся уже крупным специалистом); на противоположной стороне два больших шкафа были заняты исключительно книгами по оккультизму на всех языках, включая латинский и древнееврейский (этими языками Ахматов владел свободно)»). Ильину Ахматов кажется «типичным книжным червём, и говорить с ним о чём-либо другом, кроме внутренней секреции и оккультизма, было трудно».

Ахматов – мистик (с его точки зрения, «всё ныне совершающееся в науке и политике было предсказано мыслителями древности») и фашист («в его кабинете против стола висит «большой, в чёрной раме портрет Муссолини», а «разрешением рабочего вопроса», по его мнению, может

стать массовое производство гориллоидов, представляющих собой помесь обезьяны с человеком).

Красноречива и характеристика Ахматова, которую, не задумываясь, даёт ему французский рабочий-коммунист Дюпон («Погодите, – Ильин жестом остановил его в дверях. – А что представляет собой Ахматов? – Скотина!»).

Как видим, образ Ахматова разработан весьма подробно: читатель знакомится с его собственными мыслями, с мыслями о нём других персонажей, с авторской оценкой и т.д. И это – притом, что, как уже было сказано, для развития сюжета Ахматов практически не нужен. Вся его роль в сюжете сводится к тому, чтобы присутствовать в гостиной Ленуаров, которую посещает и Ильин, влюблено-задумчиво смотреть в сторону мадам Ленуар, предпочтение которой будет отдано в конечном счёте Ильину, и погибнуть от руки коммуниста Дюпона при вялом участии Ильина. В таком случае правомерен вопрос – а зачем? Отец – тульский помещик, оккультизм, Муссолини, владение латынью и древнееврейским, внутренняя секреция и высокие воротнички – для чего всё это? Оставим пока этот вопрос без ответа, а сами обратимся ещё к одному герою – Идаеву.

Идаев – «старый учитель» Ильина. Встречаемся мы с этим героем на страницах романа только однажды, но его имя появляется в романе гораздо чаще.

Получив от Идаева письмо с приглашением поработать вместе с ним в Африке, Ильин тотчас вспомнил «худощавое, с седой бородкой и весёлыми глазами лицо» и близорукие глаза, в которых «залегла сосредоточенная мысль».

Ещё до революции Идаев уехал из России в недавно созданный в глубине лесов Южной Гвинеи Тропический институт, «научных сообщений под его именем в печати не появлялось; через несколько лет, как это часто случается, о нём перестали вспоминать».

По прибытии в Африку Ильин узнаёт, что Идаев работает в другом отделении института, где «ведутся работы, временно не подлежащие опубликованию, и доступ туда для посторонних воспрещён». Правда, вскоре Ильин тайным образом получает от Идаева записку, в которой он умоляет его о помощи. При этом Ильин думает следующее: «Идаев принадлежал к редкому типу учёного с беспокойной эксцентричной мыслью. Подобный склад мышления малограмотного человека толкает на страстные и безнадёжные поиски *perpetuum mobile*, а научно-подготовленному открывает дорогу к великим достижениям в неизведанных областях. Несомненно, Идаев открыл что-то большое. Несомненно, это “что-то” внушает ему самому

ужас». Ильин не сомневается в сенсационности открытия Идаева, который «был всегда безразличен ко всякой политической и общественной жизни, ко всему, кроме предмета его лабораторной работы», а оказавшись в закрытом отделении института, убеждается в том, что открытие Идаева и в самом деле – сенсационное.

Единственная встреча Ильина с учителем происходит в доме последнего, где Идаев фактически находится в заключении по причине того, что его французский коллега, Кроз, пытается присвоить себе его открытие гибридов негра с человекообразной обезьяной, украв его у истинного автора. Ко всему прочему, включая возможные ужасные последствия этого открытия для человечества, Идаев и впрямь проявляет полное безразличие.

И вновь, как и в случае с Ахматовым, изображая Идаева, автор романа проявляет как будто бы не совсем оправданное излишнее внимание к деталям, рисуя его образ «чрезмерно» объёмным и выпуклым, тогда как сюжетная роль этого героя крайне проста и по большому счёту сводится к приглашению Ильина за границу.

Таким образом, мы остановились на трёх героях романа – героях-соотечественниках, русских, один из которых (Идаев) уехал из России ещё до революции, о которой, скорее всего, даже не слышал, второй (Ахматов) стал эмигрантом преимущественно по политическим соображениям, а третий (Ильин) чувствует себя совершенно советским человеком и им является, – но могли бы включить в сферу нашего внимания и других героев, не-русских, – Ленуара, Тракара, Дюпона, Кроза и т.д. – и всюду обнаружили бы одну и ту же закономерность: наличие огромного количества деталей, «лишних» для развития сюжета фантастического приключенческого романа, слишком рельефная прорисовка образов, чрезмерное количество полутонов.

Как и чем всё это можно объяснить?

На наш взгляд, дело здесь в следующем.

Каждый из героев сам по себе является носителем только одной точки зрения на существо мироустройства, только одной правды, каждая из которых по-своему близка автору.

Можно ли, например, говорить о том, что настроенный убеждённо-просоветски Ильин (впрочем, как мы видели, «просоветскость» прекрасно уживается в нём и с другими качествами) является отражением авторского отношения к миру и взглядов на жизнь? Безусловно, да.

Но так же безусловно, хоть это может показаться странным и даже – парадоксальным, что автору практически в равной степени близки любитель оккультизма и поклонник Муссолини Ахматов, эксцентрик Идаев, «очень простой, весёлый и милый» капитан-фашист Ленуар и т.д. Именно поэтому

Б.К. Фортунатов так тщательно прорабатывает образ каждого из них, стараясь не упустить ничего важного и существенного.

Зачем? А затем, что, по его мнению, только смешение этих очень разных людей, их своеобразный синтез способен дать по-настоящему полноценный и жизнеспособный интеллектуальный и духовный организм – жизнеспособный если не в действительности, то хотя бы в координатах художественного мира романа.

С этой точки зрения, в романе «Остров гориллоидов» не десять и не пятнадцать, а только один герой – эмигрировавший, остающийся советским гражданином, никогда не бывавший в Советском Союзе, равнодушный к политике, тайный коммунист, откровенный и последовательный фашист и т.д., встречающиеся в одном целом героя, с которым – и только с ним – без всяких оговорок соотносит себя автор романа.

Но выводы, сделанные относительно системы героев, распространяются также и на другие системы организации художественного материала – в частности, на принцип организации художественного пространства и художественного времени.

Если говорить о том, как организовано пространство, то надо иметь в виду следующее. В романе не один, а три значимых пространственных локуса, выступающих также и в роли своеобразных конденсаторов смысла. Эти локусы – остров в Африке, СССР (и его «акмэ» – Москва) и Европа (в частности, Франция). И если смыслы, закреплённые за островом, в основном, сводятся к сюжетным функциям (затерянность, удалённость от цивилизации и, как следствие, возможность использования этого пространства в не самых прозрачных целях), то за двумя другими пространствами закреплены гораздо более сложные комплексы смыслов.

СССР, в представлении автора романа, – страна, совсем не похожая на «христианский рай», странная и непостижимая для многих (в том числе – и для автора романа в его ахматовско-идаевской ипостасях), но при всём при этом – это страна новых возможностей человеческого развития; страна, встряхнувшая старый мир так, что гнилые щепки разлетелись в разные стороны.

Видимо, впервые выехав за пределы СССР, Ильин так же впервые смотрит на него со стороны – взвешивает, оценивает, формулирует.

Например, получив приглашение поработать за границей, он обнаруживает, что «получение заграничного паспорта вовсе не такая отчаянно безнадежная вещь, как это принято думать».

Уже находясь за границей, Ильин признаётся в том, что «к нам... не так-то легко попасть людям нежелательным – с нашей, конечно, точки

зрения. Но для друзей границы Союза всегда открыты. И знаете, коли на то пошло, когда кончится срок моей работы в институте, я постараюсь помочь вам (коммунисту Дюпону – М. П.) в исполнении вашего желания, если, конечно, к тому времени оно у вас не испарится». Обратим внимание: Ильин как гражданин СССР говорит от имени всего государства («к нам», «с нашей точки зрения»), безусловно разделяет эту государственную точку зрения и заявляет о том, что в его силах оказать влияние на решение некоторых государственных вопросов. Как только разговор касается СССР, «я» в речи Ильина исчезает, и вместо него появляется «мы»: «...у нас в СССР решимость раньше дела не брызжет искрами, но история наглядно показала, какую ломающую преграды волю к победе мы развернули в великой борьбе последних десятилетий», «разве мы не встряхнули старый мир», «мы в СССР за последние десять лет привыкли и в очень красивой женщине видеть прежде всего человека» и т.д.

Разделять точку зрения государства не означает, впрочем, любви к нему, и ни о какой любви в этом случае речи не идёт. Тема любви поднимается только в связи с Москвой, которую герой любит, но – «странной любовью», как будто срисованной из газетных передовиц послереволюционных лет: «Ильин... был влюблён в громадный, бурно развивающийся город, где с таким изумительным своеобразием расцветающая молодость только что построенных гигантских домов и заводов переплеталась с древней красотой стройных стен и башен Кремля, высоко повисших над Москва-рекой. Он говорил с возрастающим увлечением о беспримерном развитии рабочего спорта, о тысячах обнажённых, с великолепно тренированными мускулами коричневых тел на Ходынском поле или в воде Москва-реки и <...> о сапожниках, фехтующих на шпагах, или о слесаре с завода «Динамо», который в состязании на эспадронах побил капитана Круазье, первого бойца и мастера в этом роде оружия во всей Европе». Герой, влюблённый в Москву, на самом деле кажется влюблённым в некий опереточный образ этого города, словно бы сошедший в его представления и даже в сны о нём с экранов кинематографа и газетных лозунгов – сошедший вместе со всеми штампами и ходульными эпитетами: «...как на экране кинематографа, почему-то на мгновение вырисовались залитые весенним солнцем колонны Большого театра в Москве, красивые розовощёкие девушки в лёгких ярких платьях и сказочно прекрасный Кремль, нависший высоко над рекой». Отголоском этих же ходульных образов, позаимствованных из газетных и кино-агиток, станет и написанный почти десять лет спустя после снов Ильина текст песни

В. Лебедева-Кумача «Москва майская»: «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля...».

Такая опереточная Москва близка Фортунатову-Ильину, но ненавистна Фортунатову-Ахматову (и поэтому он рассказывает мадам Лемуар и другим о России и о Москве совсем иначе) и находится вне пределов представления и понимания Фортунатова-Идаева (собственно, поэтому он и погибает, бежать из заключения ему просто некуда).

Но если мы уберём из предыдущей фразы «СССР» и «Москву» и поставим на их место «Париж» и «Европу», все знаки тотчас поменяются на противоположные.

По мнению Ильина, «государство, которое идёт на это чудовищное дело (создание армии гориллоидов – М. П.), заслуживает, чтобы его смели с лица земли». С точки зрения близкого ему, но всё же – от него и отличающегося, Дюпона, «по ту сторону океана также не очень-то всё похоже на христианский рай, и крепко бы пригодились там кое-какие лекарства из вашей советской аптеки, но всё-таки в Европе среди прочих водятся и живые люди». Последнее для Ильина – сомнительно, гораздо понятнее и ближе ему другие рассказы Дюпона о Европе и о Франции как о стране, жизнь которой в последние годы войны была «сжата тисками пайка и военного хозяйства».

Оппоненты Ильина – Кроз, Лемуар (а их точка зрения – это и точка зрения Ахматова) влюблены – но по-своему, иначе, чем влюблён в СССР Ильин, – во Францию (именно так, изнутри этой влюблённости, они спрашивают Ильина о том, «как ему понравились бульвары в Париже»), но, едва только речь заходит об СССР, их глаза наполняются «жадным вниманием» – вниманием людей, изучающих потенциального врага.

А теперь вопрос: какое из трёх описанных пространств ближе всего автору романа? Ответ: никакое из трёх. Либо – все три сразу. Идаев – лишний как в СССР, так и в Европе; его место – на острове, попытка покинуть который оборачивается для него гибелью. Ахматов, родившийся в Тульской губернии, по большому счёту только этим и связан с Россией, вне которой он, воспитанный на европейских ценностях и заблуждениях, по-европейски одевающийся, мыслящий и т.д., чувствует себя как дома. Что касается Ильина, то он вылеплен из советского идеологического пластилина и, читает он газеты или нет, во всех своих проявлениях остаётся именно советским человеком.

Каждое из этих пространств, как и представляющие их герои, – однобоко и неполноценно, является «недопространством». Троичная же

пространственная система – это то, что максимально отвечает авторскому представлению о «пространстве жизни».

Аналогичным образом устроена и временная парадигма романа, в которой есть те, кто, в основном, соотнесён с прошлым (прежде всего – Идаев, так как все его открытия – это прошлые открытия; из дня сегодняшнего он изолирован, а будущее ему недоступно); с настоящим (настоящий мир – мир Ниамбы и армии гориллоидов – это мир Ахматова и иже с ним, для которых прошлое – время накопления и подготовки к дню сегодняшнему, а будущее, во-первых, сомнительно, а во-вторых, является проекцией настоящего, его тиражированной копией); с будущим (которое есть только для Ильина и тех, кто «за него»; в это будущее и улетает самолёт со спасшейся троицей – Ильин, Дюпон и мадам Ленуар).

И снова автор романа пытается выбрать все три времени сразу, не отдавая предпочтения ни одному из них.

Пришло время сказать несколько слов об идее синтеза, лежащей, как мы убедились, в основе по крайней мере трёх конструктивных механизмов организации романного целого – системы героев, системы художественного пространства и художественного времени.

Но прежде обратимся к ещё одному тексту, написанному Б.К. Фортунатовым ещё до революции и опубликованному в 1911 году в журнале «Современный мир». Это довольно большая научная статья, которая называется «На пути к синтезу хлеба» [11, с. 298-322].

Статья состоит из двух частей, в первой из которых автор говорит о том, что ещё в середине прошлого столетия в органической химии безраздельно господствовал анализ, и «задача этой науки всецело сводилась к исследованию и разложению на составные части веществ растительного и животного происхождения». Ссылаясь на Гергарда, он констатирует, что ещё недавно химику был недоступен путь, которым идёт живая природа: «Он сжигает, разлагает, анализирует, – наоборот, жизненная сила действует посредством синтеза. Она создаёт то здание, которое химик только разрушает» [11, с. 298].

Но вот недавними «блестящими» работами Марселена Бертело, который сумел получить синтетический ацетилен, было положено начало новой эры органической химии, перед которой ныне стоит задача синтеза углеводов и белков, «то есть тех именно веществ, которые служат пищей для человека» [11, с. 298].

Во второй части работы доказывается теоретическая возможность синтеза белковых веществ, являющихся единственной средой, «в которой только и могут происходить жизненные процессы» [11, с. 311]. И здесь автор

статьи считает необходимым подчеркнуть, что «во всяком научном исследовании главная трудность состоит не в том, чтобы найти истину, а в том, чтобы догадаться, где её искать» [11, с. 312]: «Именно поэтому история науки представляет ряд скачков, ряд периодов бурного развития, разделённых периодами застоя. Часто приходится наблюдать, что какое-нибудь открытие, на первый взгляд, по-видимому, незначительное, начинает собой новую эру, потому что оно указывает новый метод исследования. Тогда, привлечённые возможностью лёгкого успеха, в данную область со всех сторон устремляются научные силы, и открытия следуют за открытиями, пока не будут исчерпаны главнейшие возможности, открываемые новым методом» [11, с. 313].

Завершается эта часть статьи на такой оптимистической ноте: «Какие же выводы можно сделать из всего здесь изложенного? Прежде всего, конечно, тот, что в настоящее время синтез хлеба уже ни в коем случае не является утопией. Это задача вполне реальная, над которой ещё предстоит немало поработать, которая, вероятно, будет разрешена только по частям, но которая в более или менее недалёком будущем всё же будет разрешена. И, возможно, тогда повторится то же самое, что на наших глазах произошло в области воздухоплавания. И там все главнейшие трудности уже были побеждены, все условия успеха уже имелись налицо, – оставалось сделать только один последний шаг, и в то же время никто не думал, что момент решительной победы уже так близок, и, когда эта победа была одержана, она поразила всех, как гром, раздавшийся в ясном небе» [11, с. 322].

«Громом», который совсем скоро раздастся в ясном небе, должен стать, с точки зрения автора статьи, которому в июле 1911 года было 25 лет, синтез хлеба – пока ещё фантастическая, но в целом – достижимая идея, способная избавить человечество от многих несчастий и, в частности, стать разрешением чрезвычайно болезненного – земельного, крестьянского – вопроса. Дело – за новым методом, который даст скачок периоду бурного развития.

Нахождение такого метода предполагает не последовательное развитие идеи, методологической системы и т.п., а бесстрашное экспериментирование в разных научных областях – как смежных, так и не соприкасающихся друг с другом, так как именно таким внешне противоречивым путём синтетического научного поиска достигается результат, принципиально отличный от результата кропотливого аналитического расщепления.

На наш взгляд, эта статья 25-летнего Б.К. Фортунатова объясняет многое не только в романе, но и в той жизненной стратегии его автора, которая, с этой точки зрения, совсем не кажется нагромождением

случайностей и хаотическим разбрасыванием себя по разным социальным, профессиональным, политическим и т. д. ролям. Напротив, за этим «разбрасыванием» нам видится не хаос, а вполне определённый порядок, логика, восходящая к стратегии, определённой для себя Б.К. Фортунатовым следующим образом.

Сегодня он – студент университета (в 1912 году окончил естественное отделение физико-математического факультета), завтра – студент Высшего технического училища (к 1915 году окончил три курса), с позавчерашнего дня – член партии эсеров (с 1902-го по 1919-й), вчера – участник баррикадных боёв, раненый и высланный за границу, послезавтра – депутат Учредительного собрания, член военного штаба Комуча в Самаре, командир «1-го Волжского партизанского отряда» (белого) и с 1919 (или 20-го) года – комполка в Первой конной С. Будённого. Со стороны всё это – абсолютнейшая эклектика, изнутри – совершеннейший порядок.

Погружаясь в разные политические и т. д. сферы, Б.К. Фортунатов синтезировал их собою, объединял не объединявшееся ранее, надеясь, что результатом этих смелых экспериментов станет синтез нового человека, рождение которого поразит всех так же, как «решительная победа» в области воздухоплавания и близкий синтез хлеба.

Одержимость Б.К. Фортунатова идеей синтеза проникла, как было сказано, и на страницы «Острова гориллоидов». Но прежде, чем вернуться к этому роману, обратимся ещё к одному периоду жизни Б.К. Фортунатова и к работам, написанным в этот период.

Войдя с войсками Будённого в заповедник Аскания-Нова, Фортунатов остаётся охранять его, налаживает в нём работу (в 1922-23 гг.), а затем – заведует зоопарком³. Среди важнейших результатов, которых ему удалось добиться и которые ставят ему в заслугу, – восстановление из небытия зубра, работы по восстановлению в заповеднике степного орла, стрепета, байбака, организация заповедных островов и кос на побережьях Азовского и Чёрного морей. Перу Б.К. Фортунатова принадлежат десятки написанных в этот период, продолжавшийся до ареста в 1933 году, статей⁴, опубликованных в биологических и краеведческих журналах; кроме этого, в эти же годы им был отредактирован ряд книг об Аскания-Нова⁵.

---

³ См., например, о заповеднике и деятельности в нём Б.К. Фортунатова: [1]. Благодарим И.М. Невзорову за предоставление нам этого и ряда других редких источников, связанных с деятельностью Б.К. Фортунатова в заповеднике Аскания-Нова.

⁴ См., например: [8].

⁵ См., например: [5].

Приведём несколько цитат из статьи Б.К. Фортунатова «Два года жизни Аскании-Нова» (1921-1922)⁶, увидевшей свет в книге «Аскания-Нова. Степной заповедник Украины» в 1924 году.

«В первых числах декабря мы прибыли в Асканию. Никогда за всё время своего существования она не бывала ещё в состоянии такого запустения и разорения, как к концу 1920 года <...> В итоге положение формулировалось так: у лучших опускались руки, худшие злорадно ухмылялись и ждали, когда коммунистов чёрт унесёт и можно будет разобрать по рукам Асканию. Оставались на своём посту работники зоопарка <...>, потому что они любили свой зоопарк.

Спасли и сохранили многочисленное тонкорунное овцеводство старые атагасы и чабаны, потому что они срослись и сжились со своим делом и любили его <...>» [9, с. 64-66].

«<...> перед нами естественно встаёт вопрос – почему в огне и буре гражданской войны не погибла Аскания-Нова, когда население несравненно лучше охраняемых Беловежской пушчи, Гатчинского парка, зоопарка Пилявин и других было ликвидировано и перебито без остатка? Почему далее Аскания-Нова в два года прочно стала на ноги, привела в порядок зоопарк и развернула из развалин могучее хозяйство, в то время как все остальные заповедники не меньшего значения – кубанский, забайкальский, крымский и другие – как были, так и ныне остаются на бумаге? Я думаю, что на эти вопросы уже в настоящее время возможно дать ответ <...> Аскания уцелела потому, что в ней нашлись люди, которые любили дело своё больше жизни и которые в самые тяжёлые дни не оставили своего поста и сберегли ядро зоопарка и хозяйство» [9, с. 78-79].

В 1924 году, когда статья увидела свет, её автору было 38 лет. Прошло тринадцать лет после публикации в «Современном мире». Фортунатов был белым и красным, «равнодушно» отдавал приказы о расстреле и сам не однажды мог быть убитым, многое понял и пересмотрел многие из своих прежних взглядов, ревизией которых и своеобразным подведением итогов и стал роман «Остров гориллоидов».

Выше мы рассмотрели образы трёх героев этого романа – Ильина, Ахматова и Идаева, каждый из которых в той или иной степени был увлечён идеей, занимавшей когда-то юного Б. К. Фортунатова, – идеей синтеза, рукотворного создания нового путём соединения-смешения. Продуктами этих соединений оказываются выведенный Идаевым ужасный гибрид животного и человека – гориллоид, отвратительные многокилограммовые

---

⁶ См.: [9, с. 62-80].

лягушки Ахматова и неудачная попытка Ильина соединить несоединимое – оплаченные профашистскими заказчиками научные эксперименты с собственной политической индифферентностью. Неудачной оказывается и предпринятая автором романа его собственная попытка синтеза – объединённые искусственными интересами герои (и представляемые каждым из них временные и пространственные локусы) так и не становятся одним героем, а попытка насильственного синтеза не только не приводит к рождению нового, которое стало бы «громом в ясном небе», но и оборачивается гибелью одних и поспешным бегством другого.

Таким образом, «Остров гориллоидов» можно рассматривать в качестве романа, в котором Б.К. Фортунатов подвёл итог собственным заблуждениям относительно возлагавшихся им когда-то надежд на химический синтез органического продукта. Жизнь нерукотворна, органика не возникает в пробирке – таков вывод автора романа.

Но отрицание – не всё, с чем оставляет своего читателя «Остров гориллоидов». Помимо отрицания и скепсиса в романе есть и утвердительное начало, на которое тоже нужно обратить внимание, чтобы понять его концепцию и то, к чему приходит в своих исканиях и выстраивании жизненной стратегии Б.К. Фортунатов к концу 1920-х гг.

В романе есть один герой, отличающийся от других, этот герой – Мадлен Ленуар. Отличает её, прежде всего, то, что это герой, не равный себе ни в одном из следующих друг за другом эпизодов; она постоянно пребывает во внутреннем движении, непрерывно меняется – меняется выражение её лица, глаз, настроение, отношение к окружающим и т. д.

Вот, например, о глазах (упоминания о них, о взглядах и т. п. сопровождают почти каждое появление героини на страницах романа): «Мадам Ленуар казалась грустной и почти не поднимала глаз»; «Мадам Ленуар раза два или три на мгновение поднимала глаза на мужа»; «Мадам Ленуар остановилась и подняла глаза на своего спутника»; «Она снова опустилась на стул и закрыла глаза рукой»; «Молодая женщина подняла опущенные глаза и грустно усмехнулась»; «Мадлен на мгновение подняла на него глаза, затем снова опустила их и ничего не ответила»; «Мадлен выпрямилась, и даже в темноте было видно, как загорелись её глаза» и др.

А это – о лице: «...на прекрасном, обычно матово бледном, а сейчас розовом лице молодой женщины также было выражение стеснения и почему-то как будто тоже стыда»; «Мадлен резким движением поднялась со стула, и Ильин с удивлением в первый раз за всё их знакомство увидел на лице молодой женщины жёсткое и решительное выражение» и др.

И – о смене настроений и сопровождающих эти смены реакциях: «Мадам Лемуар <...>, покраснев, поднялась со скамьи»; «Тогда Мадлен смеялась и обещала часто его надевать <...>, но обещания не исполнила»; «Мадлен с возмущением подбежала к нему»; «Несколько раз она быстро-быстро начинала говорить жалобные и бессвязные слова, два раза во сне по-детски всхлипнула, затем постепенно успокоилась и крепко заснула».

Приведённых цитат достаточно, чтобы убедиться в том, что Мадлен Лемуар изображена живым человеком, у которого есть лицо, мимика, глаза, жесты, эмоции; она одна непрерывно и напряжённо живёт, тогда как другие герои больше напоминают автоматы, движущиеся по строго определённым траекториям. Видимо, в силу этого именно эта героиня и только она является силой, движущей сюжет: притом, что она как будто бы не воздействует на развитие событий, они либо развиваются с оглядкой на неё, либо – определяются ею. Сюжетные линии всех героев, кроме Мадлен, предзаданы, и только её сюжет развивается неожиданно для читателя, и в результате его развития она становится не тем, кем была в исходной точке сюжетного движения (была женой фашиста Лемуара – стала возлюбленной и «сообщницей» настроенного просоветски Ильина). Мадлен Лемуар и есть сама жизнь, любовь, образ которой противостоит мертворождённой идее искусственного синтеза.

Такова концепция научно-фантастического романа «Остров гориллоидов», и таков итог биографических и эстетических поисков его автора, пришедшего от идеи химического синтеза белка к пониманию любви как высшей ценности и сохранению жизни как самой значимой задачи, стоящей перед человеком.

Неизвестно, знал ли А.Н. Толстой, когда выводил на страницах «Восемнадцатого года» «штабс-капитана Фортунатова», что его «штабс-капитан» и автор «Острова гориллоидов» и «Последнего тура» – одно и то же лицо, но вот в чём можно не сомневаться, так это в том, что и рассказ, и роман были известны А.Н. Толстому, опубликовавшему в 1929 году в журнале «Всемирный следопыт» очерк «Из дневника охотника» [6].

Литература

1. Борейко В.Е. Аскания-Нова: тяжкие вёрсты истории (1826-1993). Киев, 1994.
2. Леонтьев Я.В. Фартовый корнет Фортунатов // Родина. 2006. № 7.

3. Попов Ю. Повороты судьбы Бориса Фортунатова, или Первый проектант Каркалинского заповедника // Индустриальная Караганда. 2017. 10 октября.
4. Славянова З.М. Эсеры (Воспоминания) // Революция 1917–1918 гг. в Самарской губернии. Т. 1. – Самара, 1918.
5. Степной заповедник Чапли – Аскания Нова. Сборник статей под ред. М.Н. Колодыко и Б.К. Фортунатова. М.-Л.: ГИЗ, 1928.
6. Толстой А.Н. Из дневника охотника // Всемирный следопыт. 1929. № 12.
7. Толстой А.Н. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1959.
8. Фортунатов Б.К. Бизоны и зубры в Аскании-Нова // Известия государственного степного заповедника Аскания-Нова. Выпуск 1-й.
9. Фортунатов Б.К. Два года жизни Аскании-Нова» (1921-1922) // Аскания-Нова. Степной заповедник Украины. Сборник статей под ред. проф. М. Завадовского и Б.К. Фортунатова. М.: ГИЗ, 1924.
10. Фортунатов Б.К. Как жуки в футбол играют. М.-Л.: ГИЗ, 1928. 23 с.
11. Фортунатов Б.К. На пути к синтезу хлеба // Современный мир. 1911. № 7.
12. Фортунатов Б.К. (Под псевдонимом Б. Туров). Остров гориллоидов // Всемирный следопыт. 1929. № 4-8.
13. Фортунатов Б. Остров гориллоидов. М.: Терра – Книжный клуб; СПб.: Северо-Запад, 2009.
14. Фортунатов Б. Последний тур // Всемирный следопыт. 1929. № 11.

ВАМПИРИЧЕСКИЙ ЛЕМ

*Пёриген И.
г. Бремен, Германия*

В статье анализируется образ упыря-двойника в романе «Солярис» С. Лема. Обсуждаются вопросы фольклорных заимствований в наследии польского фантаста. Проблема нового вводится на фоне соотнесения классического конструктивизма с современными исследованиями нейробиологии и нейропсихологии.

Ключевые слова: новое, упырь, двойник, А. Мицкевич, С. Лем, Солярис.